

Сибирская Жизнь

Къ № 127

Къ № 127

Воскресенье, 15-го іюня 1903 года.

По поводу смерти К. М. Станюковича.

Мы не будем приводить биографических данных умершаго недавно въ Неаполѣ К. М. Станюковича. Эти данные известны читающей публикѣ по тѣмъ некрологамъ, которые посвящены въ разныхъ изданияхъ покойному писателю. Мы не будем говорить и о его художественныхъ произведеніяхъ, создавшихъ ему славу талантливаго, вдумчиваго и симпатичнаго писателя. Его морские рассказы, эти *chef d'oeuvre* своего рода, известны каждому почти читателю. Одни эти рассказы могли уже доставить ихъ автору крупное литературное имя.

Мы скажемъ нѣсколько словъ о покойномъ лишь какъ о литераторѣ-публицистѣ и о томъ періодѣ жизни К. М., когда ему неожиданно пришлось побывать въ Томскѣ. Имя Станюковича въ 70 и 80-хъ годахъ было хорошо знакомо читающей публикѣ. И тогда уже онъ былъ известенъ какъ авторъ нѣсколькихъ тенденціозныхъ романовъ либеральнаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, направленія и какъ авторъ остроумныхъ „Писемъ знатнаго иностранца“ и сатирическихъ очерковъ, помѣщаемыхъ въ журналѣ „Дѣло“ подъ псевдонимомъ „Откровеннаго писателя“. Конечно, эти очерки были далеко не по душѣ сторонникамъ произвола, невѣжества и угнетенія. На Станюковича они смотрѣли, какъ на писателя, для нихъ нежелательнаго. Образъ мысли К. М. и его симпатіи обозначились очень рано. Въ 1885 году журналъ „Дѣло“, собственникомъ котораго Станюковичъ сталъ съ 1883 года, былъ закрытъ. К. М. просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ предварительнаго заключенія въ Петербургѣ и затѣмъ на 3 года высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь. Онъ сдѣлался невольнымъ обывателемъ Томска, гдѣ тогда выходила „Сибирская Газета“, сплотившая въ кружокъ мѣстныхъ и прѣзжихъ интеллигентовъ. Въ этотъ кружокъ попалъ и Станюковичъ, для котораго литература была родной стихіей. Участіе этого кружка лицъ быстро сказалося на полнотѣ, живости, серьезности „Сибирской Газеты“ и она стала завоевывать все большія и большія симпатіи, что сказалося и увеличеніемъ количества подписчиковъ. Принимая обличительное направленіе, столь необходимое для глухихъ, отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ уголковъ, газета безусловно имѣла большое вліяніе на развитіе сибирскаго читателя, на ростъ его самосознанія, воспитывала благородныя общественныя чувства. Конечно, у газеты явились и враги—это тѣ, которые желали бы, чтобы ихъ темныя дѣла, ихъ темное прошлое не выплывали на дневной свѣтъ.

Въ „Сиб. Газетѣ“ того времени помѣщенъ былъ цѣлый рядъ обличительныхъ фельетоновъ подъ названіемъ „Крапива“, „Сибирка“ и проч., и немало было лицъ, развертывавшихъ съ трепетомъ новый № газеты, опасаясь, не попали ли они въ эту неаппетитную „Крапиву“ или „Сибирку“. Такой опытный литераторъ, какъ Станюковичъ, играть въ газетѣ видную роль. Въслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ условий въ Томскѣ того времени громадное вліяніе имѣлъ сильный элементъ, оказывая деморализующее вліяніе. Ловкіе люди пробрались не только въ мѣстные салоны, но и въ мѣстныя первостепенныя канцеляріи и присутственныя мѣста и даже въ литературу, стремясь захватить въ свои цѣпки руки непосредственное завѣдываніе общественнымъ мнѣніемъ. Воевать съ такими людьми, пользующимися покровительствомъ мѣстныхъ вліятель-

ныхъ особъ, было нелегко, и эту войну повела на литературной почвѣ „Сибирская Газета“. Станюковичъ также принималъ въ ней дѣятельное участіе. На страницахъ газеты появился его романъ подъ названіемъ „Не столь отдаленный мѣста“. Это произведеніе не принадлежитъ къ разряду удачныхъ въ художественномъ отношеніи, но въ свое время читалось съ большимъ интересомъ, особенно томичами. Въ этомъ романѣ авторъ изобразилъ ловкихъ дѣльцовъ, съ запятаннымъ прошлымъ, которые сумѣли забрать въ свои руки нити общественной и даже административной жизни путемъ лести, вкрадчивости, вышнато лоска и ужбыли во время сказанаго подходящее слово.

Бродяги.

Бродяжество наблюдается всюду. Въ послѣднее время появилась въ англійской литературѣ книга, посвященная этому вопросу. Авторъ скитался съ бродягами разныхъ странъ. Бродяжество, какъ общественное явленіе существуетъ и въ старомъ, и новомъ свѣтѣ, какъ на американскомъ материкѣ, такъ и на европейскомъ континентѣ, какъ въ странахъ мало культурныхъ, такъ и въ такихъ, гдѣ общественный строй находится на высокой степени культурной высоты, какъ, напримѣръ, въ Германіи и Англии. Бродяжество—это большая нарость на общественной жизни, по какъ крупное массовое явленіе, оно въ громадномъ масштабѣ наблюдается только у насъ въ Сибири. Преступный, испорченный элементъ встрѣчается, конечно, и среди бродягъ американскихъ и европейскихъ, но тамъ онъ не такъ великъ, какъ у насъ, гдѣ съ именемъ бродяги необходимо соединяется понятіе о чловѣкѣ, прошедшемъ этапную и тюремную, вообще преступную школу, о чловѣкѣ, который долженъ скрывать свое прошлое, сплосъ и рядомъ богатое преступленіями. Съ точки зрѣнія закона, по 950 ст. улож. о наказ., „бродягами признаются и подвергаются наказаніямъ, за бродяжество въ ст. 951 и 952 опредѣленнымъ (надо замѣтить, что наказанія эти суровы), какъ жительствоющіе, такъ и переходящіе или перебѣгающіе съ мѣста на мѣсто, не только безъ вѣдома наблюдающихъ полицейскихъ начальствъ и безъ установленныхъ на то видовъ, но и безъ всякихъ средствъ доказать настоящее свое состояніе или званіе или же упорно отъ сего отказывающіеся“. Это опредѣленіе закона гораздо уже опредѣленіе житейскаго, по которому бродягой можетъ быть и чловѣкъ, имѣющій полную возможность доказать свою самоличность, имѣющій даже паспортъ, что не отягчаетъ у него тѣмъ не менѣе свойства бродяги, т. е. чловѣка съ весьма неопредѣленнымъ мѣстопребываніемъ. Причины, вызывающія явленіе бродячества, двухъ родовъ: психологическія и экономическія; вторыя у насъ въ Сибири, пожалуй, по серьезнѣе и понастойтѣльнѣе первыхъ. Духовная неудовлетворенность окружающей жизнью, однообразіе будничной дѣятельности, желаніе вырваться изъ узкаго круга житейскаго ичейки и посмотрѣть жизнь за ея предѣлами—естественные мотивы и причины, чтобы выйти на волю. Но такъ какъ лишь единичныя личности и въ общемъ подсчетѣ онѣ не составляютъ значительнаго количества въ сравненіи съ натурами рутинными, живущими изо дня въ день, какъ заведенная бездушная машина. Главная масса сибирскаго бродячества вырастаетъ не на этой почвѣ. Эту массу породила сылка и каторга.

Въ настоящее время общее количество ссыльныхъ въ Сибири исчисляется 300 тысячъ. Изъ нихъ не болѣе 30 тысячъ сдѣлалось осѣдлыми, занимающимися своимъ хозяйствомъ, до 70 тысячъ хотя и не имѣютъ собственного хозяйства и являются лишь рабочими, но однако не бродяжатъ и живутъ осѣдло. Изъ остальныхъ 200 тысячъ половина находится въ отлучкѣ по паспортамъ, остальные же 100 тысячъ числятся въ безвѣстной отлучкѣ, т. е., иначе сказать, бродяжатъ (свѣдѣнія взяты изъ „Сибирскаго Торгово-промышленнаго календаря“ Романова за 1901 годъ).

Эта стотысячная армія, обзаванная происхожденіемъ своимъ, каторгѣ и главнымъ образомъ ссылкѣ, конечно, чрезвычайно внушительна, при-

Константинъ Михайловичъ Станюковичъ.
(Род. въ 1844 г., ум. въ 1903 г.)

Томское общество того времени уже много отличается отъ нынѣшняго. Умственная, идейная жизнь тогда была лишь въ зародкѣ. Такие люди, какъ сотрудники тогдашней „Сибир. Газеты“, а въ числѣ ихъ Станюковичъ, много содѣйствовали воспитанію томскаго и вообще западно-сибирскаго читателя. Этому кружку выпало на долю вынести на литературномъ поприщѣ жестокою борьбу съ руководителями „Сибирск. Вѣстника“ прошлыхъ временъ, которые, скрываясь въ обличіи гдѣ случается подъ масками, не смѣя выгладить съ открытымъ лицомъ, называли себя „истинно русскими людьми“, „отстаивающими“ чистое русскіе интересы“ отъ сепаратистскихъ и социалистическихъ тенденцій, и не останавливающимися предъ доносами и инсинуациями. Исторія сказада, на чей сторонѣ правда и жизни: маски покинули литературную арену, дѣло ихъ проиграно, а направленіе, котораго держался „Сиб. Газета“ по прежнему вызываетъ симпатію, хотя самой газетѣ нѣтъ уже почти 15 лѣтъ. Вспоминая въ настоящее время Станюковича, нужно признать, что на страницахъ исторіи сибирской періодической печати его имя оставило свой слѣдъ.

А. Ми — т.

нимая во внимание сибирскую малонаселенность. Этой армией надлежит Сибирь метрополи и будь эта армия организована, она могла бы причинить массу серьезных хлопот даже правительству.

Гражданное большинство этого бродячего люда существует, конечно, на счет легального населения путем получения подачек и нердко путем преступления. Эта армия в действительности еще больше, т. к. многие официально числящиеся проживающими по паспортам в действительности ведут бродячий образ жизни и мало чьмъ отличаются от бродячей массы.

По недавним изслѣдованіямъ въ Томской губерніи на мѣстахъ водворенія находится не болѣе 24% ссыльных, остальное же 76% разбрелся. Любопытно, что изъ числа сосланныхъ почти 24% семейныхъ. Вотъ эти то семейные и остались на мѣстахъ.

Послѣ жизни самое цѣнное для человѣка благо это свобода, для получения которой онъ обыкновенно не останавливается передъ средствами. Это такъ естественно, такъ психологически понятно. Иной всю жизнь проведетъ въ какомъ нибудь медвѣжьемъ углу и у него не является желаніе выбраться. Но разъ этому же человѣку приказать не покидать угла, его такъ и потянетъ вонъ, появится вполнѣ понятный протестъ. Въ особенности же если оторвать человѣка отъ родного края, родныхъ мѣстъ и лицъ и переселить его насильно въ совсемъ другую жизненную обстановку и бросить тамъ на произволъ судьбы съ приказаніемъ „не съѣзъ отлучаться“, то это влеченіе прочь изъ постылага мѣста къ роднымъ полямъ, къ роднымъ лицамъ понятно, кажется, и для ребенка.

Современное наказаніе, въ томъ числѣ и ссылка, должна преслѣдовать исправительныя, а не только лишь карательныя цѣли, оно должно превратить преступную и дурную личность въ полезную или по крайней мѣрѣ не вредную для общества члена. Въ дѣйствительности же получаются обратные результаты и, конечно, за нихъ нельзя обвинять большинство этихъ невольныхъ сибирскихъ жителей. Гдѣта поддержка, то ободреніе, то участіе, которые столь необходимы выбитому изъ жизненной колеи ссыльному? Здѣсь въ Сибири онъ встрѣчаетъ лишь формальное служебное отношеніе начальствующихъ лицъ, матеріальную безпомощность, подозрительность и презрительное отношеніе коренной массы населенія, весьма, конечно, понятныя и естественныя. На такой почвѣ могутъ вырастать лишь злоба и раздраженіе. Если населеніе метрополи сторонится отъ такихъ сочленовъ своихъ и находитъ невозможнымъ терпѣть ихъ далѣе въ своей средѣ, то было бы крайней несправедливостью требовать много, любовнаго отношенія со стороны сибирской массы, которой эти лица навязываются вопреки ея желанію, какъ неприятели гости.

Писатели беллетристики какъ Мачтетъ, Короленко, Астыревъ, Елагьевскій, Стрешевскій и др. достаточно яркими красками изобразили тяжелое положеніе ссыльных въ чужой, постылой для нихъ сторонѣ. Рассказы эти дышатъ жизненною правдой. Сибирская современная печать занесла на свои страницы массу фактовъ изъ жизни невольныхъ сибирскихъ насельниковъ. Научная литература въ лицѣ такихъ компетентныхъ въ данномъ вопросѣ лицъ какъ Фойницкій, Ядринцевъ, Дриль давно осудили сибирскую ссылку, какъ наказаніе, но она до сихъ поръ существуетъ хотя и сокращена по закону 6 мая 1899 г. Главная масса ссылаемыхъ въ Сибирь по

приговорахъ не суда, а по приговорамъ общественнымъ. Права на постановленіе такихъ приговоровъ остались за крестьянскими обществами и послѣ изданія закона 6 мая 1899 г. Хотя примѣненіе этого права обусловлено нынѣ разными стѣсненіями и денежными со стороны обществъ затратами, но это лишь значительно сократитъ, но не оградитъ совершенно Сибирь отъ вторженія нежелательнаго элемента, для большей части котораго впереди разстилаются лишь два пути: преступленія и бродяжество. Несмотря на отбѣгу ссылки за большинство преступленій, съ оставленіемъ ея какъ наказанія лишь за нѣкоторыя, Сибири еще долго придется имѣть дѣло съ ссыльнымъ уже ранѣе выброшеннымъ въ Сибири бродячимъ элементомъ.

По прибытіи на мѣста водворенія ссыльные отпускаются на свободу и имъ далѣе предоставляется зарабатывать хлѣбъ свой личными трудами. Государство оставляетъ ихъ безъ всякой помощи—иначе сказать на произволъ судьбы.

Бродяги. Съ картины художника Импер. Акад. Худож. А. С. Капустиной.

Конечно, большинство не можетъ сразу приспособиться къ жизни и по неимѣнію материальныхъ средствъ, а зачастую по отсутствію требованій на рабочую силу. Невозбѣжно встаетъ вопросъ: что дѣлать, какъ быть? Естественный отвѣтъ: или пойти по пути преступленія, или отправиться въ другое мѣсто, искать, гдѣ лучше. И вотъ начинается бродяжеская жизнь...

Гдѣ гуще населеніе, тамъ скорѣе можно найти работу. Отчасти потому наблюдаютъ въ западные бродяги изъ Восточной Сибири въ Западную, а изъ Восточной части послѣдней къ болѣе густо-населенному Приуралю. У бездомнаго человѣка нѣтъ насыщеннаго мѣста, нѣтъ связей, которыя удерживали бы; ему легко передвигаться. Многихъ тянетъ бродяжить тоска по родинѣ, желаніе посмотреть родныя мѣста, гдѣ протекло беззаботное дѣтство. Вѣжаншій съ категоріи стремится перебраться съ Уралъ, въ Россію, гдѣ въ случаѣ помки можно объявиться непомнящимъ родства и вернуться въ Сибирь уже въ качествѣ бродяги, а не каторжника. И вотъ тянутся тысячи этихъ странниковъ, сторонясь крупныхъ населенныхъ пунктовъ, гдѣ можно попасть въ руки полицейскихъ властей, пробираясь мѣстами таежной тропой, измучен-

ные, часто голодные, прося скромно подаліе и избѣгая, за сравнительно рѣдкими исключеніями, вызывать враждебность и преслѣдованія населенія. Крестьяне бродягъ не трогаютъ и лишь въ случаѣ совершенія къмъ нибудь изъ нихъ серьезнаго преступленія начинается жестокое преслѣдованіе. Обѣ стороны: крестьянство и бродяги выступаютъ тогда въ качествѣ воюющихъ сторонъ, пока время не сгладитъ расхопившіяся страсти. И снова въ этомъ пунктѣ водворяется относительный миръ вплоть до новой вспышки.

Даже суровой сибирской зимой встрѣчаются пробирающіеся въ Россію бродяги, но главный бродячий сезонъ—это лѣтнее время, когда въ лѣсахъ и поляхъ можно получить и пріютъ, и пищу въ видѣ разныхъ кореньевъ и ягодъ. Приходится только иногда завернуть въ деревню „пострыгать саватеекъ“, т. е. попросить милостини въ видѣ кусковъ хлѣба и сибирскихъ шанегъ, наложить ихъ въ походный берестяной туесокъ и опять брести далѣе, пока не выйдеть собранный запасъ. Такой туесокъ бродяги шуточно называютъ „маршрутъ“— пока въ немъ имѣется хлѣбъ,— до тѣхъ поръ, значить, можно идти спокойно и таежной глушью.

Сибирскіе поля и лѣса лѣтомъ гостеприимно принимаютъ этихъ чужестранцевъ, жизнь которыхъ не задалась и искалѣчена торгашою, гапомъ, ссылкой или каторгой.

А. Михайловичъ.

Наташа.

„Отворите окно, отворите! Мнѣ недолго осталось жить...“

День кончился. — Яркій, томительный, душный вечеръ куталъ пыльно-пестротонувшій въ садахъ городокъ; яркое-красное солнце садилось; казалось, оно уходило за тѣ горы, что далекими, чистыми силуэтами рисовались на горизонтѣ... Публика пряталась по садамъ... Только у Иртыша, гдѣ за мостомъ черезъ ровъ поднимались высокія, толстыя стѣны каменной крѣпости и отъ рѣки тянуло свѣжестью, слышались голоса и смѣхъ, бѣгали дѣти... Около непривѣтливыхъ казарменныхъ домовъ, гдѣ помѣщался батальонъ, по чисто выметенной площади гуляли дамы и, собираясь кружками, сновали офицеры... Въ густомъ саду коменданта крѣпости слышалась музыка, но не обычная музыка военного оркестра, а тихая, пѣжная, томительная и чей-то голосъ, молодой и красивый, но слабый и педальный, пѣлъ трогательно и тоскливо пѣбно-жалобу:

„Отворите окно, отворите!“

Мнѣ недолго осталось жить“.

Въ знойномъ воздухѣ жаркаго вечера, прерывая пѣсно, слышались стукоты камешъ и опять за душу хватало новыя поды тихій аккомпаниментъ инструментъ.

Наташу привлекли эти звуки,—ничего подобнаго она еще не слышала никогда ни тамъ, въ стѣнахъ института въ Петербургѣ, ни въ далекомъ Джаркентѣ, гдѣ она родилась, ни здѣсь въ этомъ захолустьномъ полузатѣскомъ городкѣ... И широко раскрывъ чудесные каріе глаза, она оперлась на низенькій заборчикъ, отблывшій сосѣдній садъ отъ сада, принадлежащаго ей отцу. Спританная поды вѣтвями густыхъ черемухъ, акацій и рябины, она жадно слушала, какъ-то совсемъ по дѣтски открывъ свой алый ротикъ.

Красивая, крупная дѣвочка 13 лѣтъ, живая, умная, бойкая, любимица своего отца и всей семьи, немного странная, немного непонимаемая, но весьма обожаемая, впечатлительная и вдум-

чивая, она любила все неожиданное, непохожее на обычную монотонную жизнь, она любила особенно музыку, а тут и слова просились в сердце:

«Отворите окно, отворите!
Вынесите на свет, на простор,
Гдѣ поют перелетныя птицы,
Гдѣ шумит зеленѣющей борь».

Что-то не русское слышалось въ голосѣ поющей...

Наташа немного раздвинула вѣтви и увидала низко склоненную голову высокой худощавой женщины, держащей большую арфу. Она стояла къ ней въ пользу оборота, дѣвочки видны были черная прядь волосѣ, выбившаяся изъ подъ бѣлаго кисейнаго платка, и профиль исхудалаго лица.

«Чу! то пѣсня влады
прозвучала,
Что пѣвала родивая мать.
Холодѣть усталое тѣло,
Гаснетъ духъ, мнѣ не долго
дышать».

И пѣвица закашлялась сильно, глубоко, тяжело—также, какъ кашляла нынче весною у нихъ въ институтѣ пепишера Таранская, которую Наташа передъ отъѣздомъ къ своимъ видѣла въ грубу; сердце дѣвочки до боли застучало въ груди отъ мучительнаго сожалѣнія о той рано погибшей и вмѣстѣ съ тѣмъ ей стало безконечно жаль эту блѣдную исхудалаю женщину, трогательно пѣвшаю гениальныя слова; ей захотѣлось еще слушать ее, говорить съ нею и, вѣдь, что она беретъ деньги и собирается уходить, Наташа быстрымъ движениемъ совсѣмъ раздвинула вѣтви, такъ что ее стало видно обществу, сидящему на обвитой хмѣлемъ и выходящими растениями террасѣ комендантскаго

лицо пѣвицы. Та, не отвѣчая, начала опять свою пѣсню, и большіе, темные, обведенные кругами глаза ея остановились на взволнованномъ дѣтскомъ лицѣ.

«Отворите окно, отворите!
Мнѣ не долго осталось жить.
Еще разъ на свободу поутите,
Не мѣшайте страдать и любить!
Горломъ кровь показалась. Весною
Хорошо на родимыхъ поляхъ.
Будетъ небо синѣть надо мною,
Вся могла потонетъ въ цвѣтахъ.»

и во всемъ не знаетъ границъ. Матери трудно справиться съ такою натурою.

— Эти странности однако не мѣшаютъ дѣвочкѣ какъ и вообще всѣмъ въ ихъ чудной семьѣ, привлекать къ себѣ сердца,—сказалъ кто-то.

Одинъ за другимъ всѣ высказали что нибудь о Наташѣ и занялись другимъ, позабывъ о ней и объ отошедшей къ ей заплоту пѣвицѣ. Только хозяйникъ, доставъ изъ кармана нѣсколько серебряныхъ монетъ и передавъ ихъ маленькому сыну, велѣлъ отдать Наташѣ, да молодой красавецъ докторъ, отойдя отъ стола, за которымъ

всѣ сидѣли, и, прислонившись къ столбу террасы красивой черноволосой голоной, весь умелъ въ слухъ такъ-же жадно, какъ и Наташа, прислушиваясь къ звукамъ.

О нихъ забыли, на нихъ не смотрѣли болѣе, и подъ пѣніе мысли вихремъ неслись въ Наташину пытлиую головку.

— Почему ей недолго осталось жить? почему она просится на свободу? вѣдь она и такъ свободна. Отчего-же она не уйдетъ на родимыя поля сейчасъ, если ей этого такъ хочется? бѣдная какая! и это все про себя, а устала какъ, Господи!

«Отворите окно, отворите!
Вынесите на свет, на простор,
Гдѣ поют перелетныя птицы,
Гдѣ шумит зеленѣющей борь».

Наташа не выдержала.

— Отчего вы туда не уйдете, гдѣ эти птицы поютъ, гдѣ борь шумитъ и цвѣты зацвѣтаютъ въ поляхъ? Хорошая, милая! отчего не уйдете? Вѣдь вамъ тяжело таскать эту большую арфу, тяжело лѣтъ въ жару, вы такъ кашляете, у васъ болитъ грудь. Ахъ какъ мнѣ жалко васъ, какъ жалко! — И большіе глаза сразу наполнились слезами.

Гулянье народныхъ школь 27-го мая 1903 года.

дома, рѣшительно и умоляюще крикнула, обращаясь къ хозяйнѣ: — «Константинъ Николаевичъ, попросите ее еще свѣтъ это-же, пожалуйста, я потомъ вамъ всѣ мои карманныя деньги принесу, а то, пока я бѣгаю, она уйдетъ, да и мама, пожалуй, не позволитъ мнѣ ее послушать».

Не дожидаясь отвѣта, она повернулась къ арфисткѣ, тоже повернувшей къ ней свое лицо, и поманила ее къ себѣ рукою. Та тихо приблизилась, бережно неся арфу.

— Вамъ не будетъ трудно сразу много пѣть? робко сказала Наташа, заглянувъ въ истомленное

Она душу вложила въ пѣніе: это не было простое, машинальное повтореніе мотива и словъ, не была просто гурьба усталого существа—пѣвица поняла, что ее слушаютъ не изъ любопытства, слушаютъ чутко, понимая ея пѣсню, и она пѣла, вложивъ въ слова всю скорбь, всю тоску своей жизни, видимо приписывая именно себѣ и своей судьбѣ эти чуждія, такъ подходившія къ ней, слова.

— Какая экзальтированная эта Наташа,—говорили на террасѣ. Странная дѣвочка! Впились глазами и не отводятъ ихъ отъ арфистки. Всегда

— Спасибо вамъ! — тихо сказала арфистка, и глаза ея тоже стали влажными. — «Добрая вы! Такъ моя судьба сложилась. Слншкомъ вы еще юны, вамъ не нужно знать, отчего это такъ жизнь не всѣмъ улыбается; пусть она будетъ милостива къ вамъ, доброе, ласковое дитя. Взявъ эту протянутую ручки деньги, она поцѣловала эту узенькую дѣтскую ручку и, вскинувъ арфу, какъ-то потупившись, тихо пошла изъ сада къ воротамъ, на минуту поднявъ у террасы свои большіе глаза на стоявшаго отдѣльно доктора...

Окинув его долгим взглядом, она о чем-то вздохнула, еще ниже опустила голову, торопливо вышла из гробности и скрылась за поворотом, въ полосу пыли, для новых печальных пѣсенъ, которыя ей уже не долго суждено было пѣсть... Почему она торопилась уйти? не стало-ли ей невниманно больно от дѣтской жалости, от участія милого, ласковаго ребенка? — быть может!.. а тутъ и молодое, красивое мужское лицо, очевидно напоминавшее ей что нибудь, заставило больно заботиться ея усталое сердце. Она уходила отъ этихъ внимательнo слушающихъ ее людей туда, куда влекла ее судьба.

Въ ухахъ Наташи все звучали слова ея пѣсенъ и, забившись въ самую глушь своего сада, она робко и неуверенно начала повторять ихъ,—невольно подражая голосу пѣвчихъ:

«Отворите окно, отворите!

Мнѣ не долго осталось жить».

Милая дѣвочка!.. Развѣ знала она, повторяя эти слова, что ей действительно не долго осталось жить, что она живетъ послѣднее лѣто, въ послѣдній разъ видитъ это теплое азиатское небо, слышитъ какъ подъ обрывомъ шумитъ быстрая рѣка, смотритъ на тонкіе силуэты дальнихъ горъ? Она не знала, конечно, что въ неутомимомъ институтскомъ корпусѣ, въ недоброй бѣлой больницѣ се этой осенью поджидаетъ смерть безпощадная, неумолимая.—Вѣдница не могла думать о томъ. А все это ждало ее: и одинокая могила въ холмистомъ Петербургѣ, и смерть безъ родныхъ и близкихъ, тяжелая, быстрая, отъ которой бѣдная Наташа была ближе, чѣмъ артистка, скрывшаяся въ пыли съ своей тяжелой арфой на плечахъ и душу надрывающимъ кашлемъ.

Вечернее небо надъ Наташей сияло сквозь просвѣты тѣсно сплетшихся деревьевъ. Мягкія тѣни ложились на траву. Дѣвочка, прижавшись къ спящимъ скамейкамъ, вѣла ленамъ, чистымъ головами, съ отблѣскомъ непонятой грусти:

«Хорошо на родимыхъ поляхъ,
Будетъ небо сиять надо мною,
Вся могила потонетъ въ цвѣтахъ.»

А. Мирская.

Къ рисункамъ.

Бъ сегодняшнемъ номерѣ мы даемъ три рисунка, изображающіе моментъ дѣтскаго праздника, устроеннаго для народныхъ школъ 27 мая, на средства города и частнаго пожертвования. Участіе въ праздникѣ принимали 26 народныхъ школъ, которыя образовали дѣтскую толпу въ 2000 душъ. Дѣти были выведены изъ города къ желѣзнодорожному мосту черезъ р. Ушайку, и заѣхъ, на дугу этой рѣки, пробыли до 6 часовъ вечера.

Начало обѣда устраивать весенній праздникъ для народныхъ школъ было положено въ 1884 г.; нынѣшній праздникъ былъ первымъ послѣ значительнаго перерыва этого хорошаго обычая. Этотъ перерывъ нельзя назвать иначе, какъ неприятнымъ обстоятельствомъ; не будь его, праздникъ могъ бы получить развитіе и превратиться въ городское событие, имѣющее большое воспитательное значеніе. Обстановочная сторона нынѣшняго праздника уступала прежнимъ. Вслѣдствіе сѣвности, съ которой пришлось устраивать праздникъ, не все школы при-

нимали въ немъ участіе. Изъ школъ, содержимыхъ не на городской счетъ, тутъ были только четыре школы мѣстнаго школьнаго общества и школа общества приказчиковъ; не было еврейской школы, мусульманско-татарской и въ одной школѣ изъ содержимыхъ частными лицами.

Гражданское воспитательное значеніе этого праздника въ будущемъ несомнѣно. Нельзя было безъ волненія смотреть на эти колѣны маленькихъ будущихъ городскихъ избирателей, потъ звуки музыки въ порядкѣ проходившихъ по улицамъ города. Съ другой стороны городское самоуправленіе скрѣпя представительствомъ на праздникѣ можетъ импортировать на дѣтей и знакомитъ ихъ съ существующимъ городскими учрежденіями и городской властью. Къ сожалѣнію, на нынѣшнемъ праздникѣ сочувствіе общества выразилось только пожертвowanіями на чай и лакомства; друзья народнаго просвѣщенія могли бы проявить свое сочувствіе и въ болѣе осязательныхъ формахъ. Но эти недочеты праздника не обезкураживаютъ насъ; они объясняются тѣмъ, что живая традиція отъ предшествовавшей практики была порвана и пришлось приступать къ устройству праздника безъ опыта прошлаго года; мы надѣемся, что въ будущемъ обстановка этого праздника будетъ совершенствоваться, практика перваго періода будетъ превзойдена и праздникъ постепенно превратится въ истинное торжество города, въ праздникъ братства всѣхъ городскихъ дѣтей безъ различія вѣры и національности.

Всѣ три рисунка представляютъ дѣтскую толпу уже по приходѣ на мѣсто гулянья. На одномъ изъ нихъ задній планъ занятъ дѣтвомъ, который тянется по правому берегу Ушайки; правый конецъ его заслоненъ дѣвственными мысомъ лѣваго берега. На заднемъ планѣ другого снимка тотъ же лѣвъ; передніе планы заняты столами съ самонарами, за которыми видна палатка для взрослыхъ дѣтей. На третьемъ снимкѣ дѣти разсыпаны по скату сосѣдней возвышенности Жалѣемъ, что намъ не удалось добыть снимка, который изображалъ бы дѣтей, идущихъ рядами по улицамъ города.

Г. П.

Новости наукъ и изобрѣтеній.

И слѣпые будутъ видѣть.

Такъ озаглавлена статья въ «Revue des Revues», трактующая о замѣчательномъ открытій профессора Штина.

Профессоръ утверждаетъ, что онъ нашелъ средство возвращать зрѣніе слѣпымъ (какъ ослѣпшимъ, такъ и слѣпорожденнымъ) посредствомъ особаго изобрѣтеннаго имъ аппарата.

Пока извѣстно, что аппаратъ этотъ имѣетъ цѣлью замѣнить отсутствующіе глаза, передавая свѣтовые эффекты прямо мозгу. Профессоръ Штинъ занятъ усовершенствованіемъ своего изобрѣтенія и не будетъ оглашать о немъ, пока не кончитъ своей работы.

Сообщеніе о такомъ открытій вызвало живѣйшій интересъ во врачебномъ мѣрѣ, и д-ръ Гаце посылалъ профессору Штина, который познакомилъ его съ настоящимъ положеніемъ своей работы.

Д-ръ Гаце такъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи ученаго: «Звѣда меня въ маленькую темную комнату, проф. Штинъ завязалъ мнѣ глаза. Я слышалъ, какъ профессоръ ходилъ, закинулъ сичку, лампу и т. д., но не могъ при всемъ моемъ стараніи замѣтить ни малѣйшаго луча свѣта. Вдругъ я почувствовалъ, что профессоръ приложилъ мнѣ свой аппаратъ къ виску и точно же ощутилъ непредѣленный свѣтъ, который освѣщалъ все предметы, находящіеся въ непосредственной близости отъ меня.

Я могъ видѣть руку передъ моими глазами и считать пальцы, которые мнѣ показали; ихъ было три. Постепенно свѣтъ усиливался, и я могъ различить находящуюся въ комнатѣ мебель: было два стола и восемь стульевъ. Я чувствовалъ въ это время, что продолжалъ бы опытъ еще — и я могу получить обратно мое зрѣніе вновь, но опять не продолжалъ далѣе и аппаратъ былъ удаленъ. Я находился въ совершеннѣйшей темнотѣ. Опытъ былъ оконченъ».

Аппаратъ профессора Штина былъ испробованъ и другими врачами. Все они не могутъ объяснить его дѣйствія.

Самъ же профессоръ Штинъ сообщаетъ слѣдующее: «Человѣкъ видитъ не глазами, а мозгомъ. Глаза же служатъ только для восприниманія картинъ, которую зрительный нервъ передаетъ мозгу. Слѣпыя, посредствомъ ощущенія, могутъ ясно представить себѣ наружную форму какого-либо предмета. Если бы у человека не было глазъ, то какой-либо другой органъ замѣнилъ бы ему зрѣніе».

Нѣкоторые низшія животныя не имѣютъ органа зрѣнія. У нихъ воспринимается все въ тѣломъ ощущеніе свѣта. Если бы изображеніе можно было передать мозгу безъ глазъ, то слѣпой сталъ бы ощущать то же, что и зрячій». Это главная идея проф. Штина.

Изображеніе получается на экранѣ, который замѣняетъ съчатку глазъ, и передается посредствомъ электричества мозгу. Этотъ аппаратъ имѣетъ то же самое научное основаніе, что и телефонъ.

Онъ не ограничивается передачей слыхимъ изображенія доступнаго для обыкновеннаго зрѣнія, но передаетъ также изображенія на любомъ разстояніи, т. е. играетъ ту же роль въ отношеніи изображеній, какую телефонъ играетъ по отношенію къ звукамъ.

По словамъ «Нов. Дн.», докторъ Мартенъ, сотрудникъ знаменитаго д-ра Руя въ Пастеровскомъ институтѣ въ Парижѣ, нашелъ способъ превращать антидифтеритную сыворотку въ лепешечки, въ видѣ конфетъ. Вотъ къ чему послужатъ эти антидифтеритныя конфеты.

Ребенокъ заболѣлъ дифтеритомъ. Ему дѣлаютъ прививку, и онъ выздоравливаетъ. Онъ уже бѣгаетъ, и начинаетъ ходить въ школу, но если изслѣдовать бактериологически горло выздоравливаго ребенка, тамъ найдутся въ девяти случаяхъ изъ десяти живыя бациллы дифтерита. И эти бациллы могутъ жить въ горлѣ выздоравливаго ребенка недѣли и даже цѣлые мѣсяцы. Теперь ясно, что такой «здоровый» ребенокъ способенъ заразить дифтеритомъ цѣлую школу. Вотъ тутъ-то и пригодятся антидифтеритныя лепешечки, посредствомъ которыхъ легко уничтожить гнѣздящихся въ горлѣ бациллы страшнаго болѣзани.

Выздоравлившій послѣ дифтерита ребенокъ, которому давали сосать антидифтеритныя лепешечки, уже не внесетъ въ школу заразы.

Конфеты эти также могутъ замѣнить предохранительную прививку, которую дѣлаютъ себѣ здоровые, когда въ домѣ появляется дифтеритъ.

Поправки. Въ прошломъ № «Иллюстр. прилож. къ Сиб. Жиз.» перепечатано слѣдующее: въ статьѣ «Канькскъ» въ 16 стр. снизу напечатано «теноскъ»; нужно «теноскъ»; въ статьѣ «Разваина уйгурскаго Баракорума» въ 3 и 4 стр. напечатано: «возникли здѣсь большія монархія, да и тѣ, вѣроятно, были ничтожны»; нужно: «возникли здѣсь большія монархія, вѣроятнo съ тѣмъ возникли и слѣдствія синодальн., да и тѣ... и т. д.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ

ВНОВЬ ОТКРЫТА,
оборудованная новѣйшими аппаратами
ФОТОЦИНКГРАФІЯ
Принимать заказы на изготовление
МѢДНЫХЪ И ЦИНКОВЫХЪ КЛИШЕ
для всевозможныхъ иллюстрацій и рекламъ.
Цѣны отъ 20 коп. за кв. дюймъ—въ зависимости цѣны съ разностью перерисовки съ гравюры, кисти и чеканки, и отъ 40 коп. за кв. дюймъ—съ рисунковъ кисти, фотографій и фотографій (если клише меньше 10 дюйм., то платится за кв. дюймъ).

Сеты выставляются по первому требованію
Исполненіе заказовъ быстрое и аккуратное.
Заказъ адресовать: Томскъ, Фотоцинкаграфія П. И. Макушина

Складъ
ТОЛЬКО ЛУЧШИХЪ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ
у П. Рукавишникова.

Томскъ, Духовская, № 3-й.